

© 1998 г. М.Ш. ХАЛИЛОВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ГРУЗИНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Слова, заимствованные из грузинского языка, в дагестанских языках относятся к разным периодам и имеют разный хронологический характер¹. Основной слой грузинизмов составляет лексика, заимствованная в более поздний период: новогрузинский период (XVIII–XX вв.) – время самых интенсивных контактов. Однако некоторые из них восходят к древнегрузинскому (V–XI вв.) или среднегрузинскому (XII–XVIII вв.) периодам. Ввиду отсутствия исторических письменных памятников по дагестанским литературным языкам, и тем более по многочисленным бесписьменным языкам, весьма трудно хотя бы приблизительно датировать их проникновение или дать глубокий всесторонний анализ этого сложного процесса. Вместе с тем в целом ряде случаев, с учетом косвенных данных, становится возможной констатация того, относятся ли заимствования к более раннему или позднему периоду.

Хронологическая классификация грузинизмов в дагестанских языках дает возможность определить их удельный вес в различные отрезки исторического развития.

Можно, в частности, установить их некоторые более ранние хронологические уровни². Так, о наличии наиболее древних контактов, относящихся к периоду грузинско-занского и працезского единств, свидетельствуют отдельные грузинизмы, сохранившие фонетический облик праформы.

В гинухско-цезском слове (гин. *ихирахъ*, цез. *ихурахъ* 'утка'), кроме -хъ, обнаруживаем элемент -ра-, отсутствующий в современном грузинском языке и во многих его диалектах (*ихви* 'утка'). В своей статье Г.В. Рогава делает попытку доказать, что

¹ Ведущая роль в исследовании контактирования картвельских и нахско-дагестанских языков принадлежит Г.А. Климову. Как отмечается в одной из его работ, "зоной исторического соприкосновения картвельских и нахско-дагестанских языков служили северные и восточные рубежи Грузии (Хевсуретия, Пшавия, Тушетия, частично Кахетия), где и поныне сохраняются довольно отчетливые следы топонимии некартвельского происхождения. Последнее обстоятельство позволяет предполагать бывшее наличие здесь субстратного населения. Здесь, как известно, издревле локализовались окраинные представители нахской, аваро-андоцесской и лезгинской подгрупп нахско-дагестанских языков. Хотя и в этой зоне языковое воздействие в принципе должно было быть взаимным, в целом и в этом случае основным стимулом многовековой иррадиации ареальных изоглосс служил грузинский язык. Так, если нахско-дагестанские элементы встречаются почти исключительно в восточногрузинских диалектах, где они представлены довольно ограниченным лексическим материалом, то, напротив, воздействие грузинского языка оставило в нахско-дагестанских языках более глубокий след. Хронология наиболее ранних контактов может быть при этом определена в какой-то мере по тем единичным лексическим вкраплениям нахско-дагестанского характера, которые зафиксированы уже в письменных памятниках древнегрузинского языка (V–XI вв. н.э.)" [Климов 1986: 183–184].

² На основе выявленных лексических схождений между северо-кавказскими и картвельскими языками на праязыковых уровнях С.Л. Николаев и С.А. Старостин предполагают наличие активных контактов в прошлом между носителями правосточнокавказского и пракартвельского языков (около 5–4 тыс. до н.э.). По их мнению эти параллели в основном относятся к легко заимствуемым (в частности, культурным) слоям лексики [Николаев, Старостин 1984: 30].

исходной формой грузинской именной основы *ихв*-‘утка’ является **ихвир*- в результате сопоставления ее с занским вариантом этой же основы, сохранившимся в имеретинском диалекте грузинского языка, *ихвинджа* ‘дикая утка’: *ихвинджа* < **ихвиджа* < **ихвир*-а [Рогава 1966: 235]. Такое предположение Г.В. Рогава об исходности формы **ихвир*-а лишний раз подтверждает гинухско-цезский вариант. И соответственно, исходя из этого можно считать, что данный элемент, зафиксированный в цезских словах, служит основанием для признания давности его проникновения в западноцезские языки, а именно восстанавливаемая праформа **ихвир*-а восходит к периоду грузинско-занского единства (≈700 г. до н.э.). Ауслаутный -хъ в этих лексемах, возможно, является сохранившимся в окаменелом виде словообразовательным аффиксом.

В широком смысле для изучения грузинской лексики определенное значение могут иметь и данные контактировавших языков, в том числе и цезских. В отдельных случаях эти языки сохранили исторически более древние формы грузинских основ, представленных ныне в самом грузинском языке в измененном виде.

В ряде цезских грузинизмов налицо системное звукосоотношение гласных рефлексов, аналогичных исконным. На основе этих соответствий можно реконструировать фонетические архетипы этимонов, что подтверждается данными языка-источника. Так, восточноцезскому *о* (бежт., гунз. *бохъ* ‘солнце’) в западноцезском соответствует у (гин., цез., хварш. *бухъ*) или же *е ~ и* (*алиле-алели* ‘ягненок’), т.е. соответствие *о-о-у-у-у* в працезском восстанавливается как **о*, а *е-е-и-и-и* – как **е* [Николаев 1978: 89]. Аналогичный процесс наблюдается и в грузинизмах, ср.:

бежт., гунз. *боркйоли* ‘пути’ – гин., цез. *буркйоли* ‘замок’ < груз. *боркйили* ‘пути, кандалы’;

бежт., гунз. *гемо* – гин., цез. *гиму* ‘вкус’ < груз. *гемо*;

бежт., гунз. *гочли* – гин., цез. *гучли* ‘поросенок’ < груз. *гочли*;

бежт., гунз. *окро* – гин., цез. *укру* ‘деньги, серебро’ < груз. *окро* ‘золото’.

Возможно, указанные грузинские лексические элементы проникли в период общецезского единства. Затем после распада праязыкового состояния они оформились соответственно фонетическим нормам языков. Отсутствие их в современном хваршинском языке, видимо, объясняется сильным влиянием аваро-андийских языков, вытеснивших их из словарного фонда.

Вышеизложенное дает основание заключить, что в принципе существование древнегрузинско-працезских контактов возможно, и данные глоттохронологии такой возможности не исключают.

Некоторые диалектные варианты заимствований сохранили архаические формы грузинских этимонов. Выявляя праформы, можно определить в какой-то степени хронологическую рамку их проникновения. Проиллюстрируем это на уровне прото-бежтинского языка.

В фонетическую систему протобежтинского языка включалась фонема *р*. Соответственно, грузинские лексические элементы, содержащие указанный сонант, сохранили его при заимствовании. Однако после диалектной дифференциации в собственно бежтинском диалекте произошел переход *р* в *й*, что является характерной особенностью данного диалекта. Ср.:

протобежт. **кѣамари* ‘липкий глинозем красноватого цвета’ > тляд., хаш. *кѣамар*, бежт. *кѣамай* < груз. *кѣамари*;

протобежт. **бегари* ‘коллективная помощь’ > тляд., хаш. *бегари*, бежт. *бегай*. Ср. груз. *бегари*;

протобежт. **биркли* ‘репейник’ > тляд., хаш. *биркли*, бежт. *бийкли*. Ср. груз. *биркли*, *биркла*;

протобежт. **херхи* > *хорхо* ‘пила, напильник’ > хаш. *хорхо*, тляд. *хоргъо*, бежт. *хойгъо*. Ср. груз. *херхи*;

протобежт. *сацери > *љацери > тляд., хаш. лѣацар, бежт. лѣацай 'сито'. Ср. груз. сацери.

По поводу этого звукоперехода Т.Е. Гудава пишет: «если *p* следует за согласным звуком, то ассимилируется с предшествующим согласным: *окро* > **окйо* > *окко* 'золото', *гогра* > **гогйа* > *гогга* 'тыква'» [Гудава 1979: 51]. Этот процесс автор рассматривает как пример фонетического изменения при заимствовании. На самом деле такого изменения, по-видимому, не было: слова в протобежтинском имели формы **окро*, **гогра*, в которых затем произошел обычный переход *p* в *й* с последующей ассимиляцией (**окйо* > *окко*, **гогйа* > *гогга*). Здесь этимологическая неточность связана с тем, что хронологический уровень заимствования не был определен.

Хронологизация грузинизмов возможна как по лингвистическим, так и по некоторым экстралингвистическим признакам. Решение проблемы хронологии возможно при учете фонетических процессов как в грузинском, так и в дагестанских языках. В данном случае сведения об истории фонетического развития имеются только по грузинскому языку. И, соответственно, на основе фонетических критериев грузинского языка можно строить предположения о хронологизации грузинизмов, а также установить приблизительное время заимствования. О.И. Виноградова по этому поводу пишет, что «в ряде случаев возникает проблема определения хронологии заимствования. Решение ее основывается обычно на знании относительной и абсолютной хронологии фонетических процессов как в языке-источнике, так и в заимствующем языке. В случае наличия сведений об истории фонетического развития хотя бы в одном из языков имеется возможность, во-первых, строить предположения о хронологии заимствования относительно тех или иных процессов этого языка: во-вторых, абсолютная датировка этих процессов дает и приблизительное время заимствования» [Виноградова 1980: 20].

Отнесение некоторых грузинизмов к древнему или новому периоду возможно по фонетическим признакам. Фонема *хъ* была характерна для древнегрузинского языка. В ряде дагестанских грузинизмов она сохранилась: тляд. *венахъи* 'виноградник'; бежт. *тохъи*, цсз. *толхъи*, бацб. *тохъ*, гунз., гин., анц. *тохъи* 'мотыга'; бежт. *гатохъна*, гин. *гатлхъна* 'прополка'; бежт., цез., гунз., тив. *мехъре* 'слуга'; бежт., гунз. *сахъри*, тив. *сахъар* 'прут, палка'; бежт., гунз. *хъерхъи* 'тактика'; бежт. *хъинцири* 'сорт картофеля'; бежт. *дахъуца йовал* 'истреблять' < др.-груз. *а(гъ)хъоца* 'уничтожать, истреблять' (ср. ках. *дахоца*), бежт. *гахъурда (йовал)* 'сильно растопить' < *гахуреба* 'раскалить, растопить'; цез. *махъа* 'пшеница', цез., гин. *хъема* 'дождь', бежт. *хъимайо* (хаш. *хъимаро*) 'пасмурный' < др.-груз. *цхъмай* 'дождь'³ и др. Отнесение указанных слов к древнегрузинскому или среднегрузинскому периоду вызывает затруднения, поскольку в оба эти периода *хъ* функционировала в языке, сохраняясь до XIV–XV века [Кавтарадзе 1964: 387]. Можно лишь сказать, что источником этих заимствований не является современный кахетинский диалект, с которым граничат дагестанские языки, так как в кахетинском, как и в современном литературном грузинском языке, фонема *хъ* отсутствует, хотя они могли быть усвоены и из старокахетинского. В настоящее время эта фонема сохранилась преимущественно в горских диалектах грузинского языка, не соприкасающихся с дагестанскими [Утургадзе 1966; Чинчараули 1961: 5].

Подтверждением отнесения некоторых грузинизмов к древнему периоду на основе фонетического признака (по фонеме *хъ*) служат и экстралингвистические данные. Появление некоторых терминов земледелия, таких как *тохъи* 'мотыга', *венахъи* 'виноградник', *гатохъна* 'прополка', очевидно, связано с усилением грузинского влияния. Акад. И.А. Джавахишвили пишет, что сельскохозяйственное орудие на Северном

³ Лексема *цхъмай* 'дождь' как древнегрузинское слово отмечена С.Б. Серебряковым [Серебряков 1962].

Кавказе появилось в XII веке, т.е. в пору наиболее интенсивных связей с Грузией [Джавахишвили 1930: 232]. Слово *тохѝ* в данной форме засвидетельствовано в грузинском памятнике XI века, а именно в сочинении Георгия Мтацминдели «Житие Иоанна и Ефимия». Глагол от слова *тохѝ моутохѝна* в Грузии встречается еще в памятнике IX века [Шанидзе 1945: 244]. Такая датировка, которая построена на основании комплексного учета как лингвистических, так и экстралингвистических критериев, очевидно, имеет более точную достоверность.

Однако в некоторых контактировавших говорах и диалектах дагестанских языков в рассматриваемых заимствованиях представлена фонема *х*: бежт., гунз. *венахи*, окт. *тохи*, бухн. *тухи*, кус., таш. *тухна* 'мотыга' (ср. груз. *тохна* 'мотыжить; мотыжение'); окт. *херхи*, окт. *мехр*, окт. *сахре*, тив. *гатохвна*. Эти слова, по-видимому, проникли в более поздний период из новогрузинского языка, точнее из кахетинского диалекта. К этому следует добавить, что чаще всего эта фонема отмечается в тех говорах и диалектах, носители которых живут на территории Грузии – в октомберском говоре удинского языка, тивийском говоре анцухского диалекта аварского языка. Как известно, тивийцы и октомберские удины появились в Кахетии в конце XIX – начале XX века. И, соответственно, слова в это время были усвоены из грузинского языка. Чем же объяснить тогда тот факт, что в говорах бежтинского языка в одном случае (тляд.) имеем форму *венахѝ*, а в другом (бежт.) – *венахи* 'виноградник'?

Другим фонетическим признаком, по которому можно установить хронологические рамки грузинизмов, является наличие в заимствованных словах ауслаутного *й*. Как известно, в древнегрузинском языке широко были представлены дифтонги *ай*, *ей*, *ой*, *уй*, а также полугласный *й̣* [Марр 1925: 3–4; Дзидишвили 1960: 138], например: в лексемах *гемой* 'вкус, наслаждение'; *эзой* 'двор', 'занавес'; *зомай* 'размер', *окрой* 'золото', *тлилой* 'полотно, пелена'; *кѝанай* 'поле, нива'; *эртобай* 'единство, единение' и т.д. В некоторых грузинизмах сохраняется форма слов, типичных для древнегрузинского языка, ср.: др.-груз. *квай* 'камень' > цах. *кывай*, др.-груз. *цхѝмай* 'дождь' > бежт. *хѝмайо* 'пасмурный'. По-видимому, они заимствованы в древнегрузинский период. Однако количество таких лексем невелико и в большей части среди них налицо слова с усеченным полугласным. Такое усечение в грузинизмах можно объяснить следующим образом. В истории грузинской фонетики полугласный постепенно исчез, если не слился с другими гласными или же не перешел в родственные согласные. В новогрузинском письме начертание для полугласного звука *й̣* вышло из употребления [Марр 1925: 3–4]. Далее, видимо, контактировавшие дагестанцы усвоили эти слова повторно – теперь уже из новогрузинского языка без ауслаутного *й̣*. Вместе с тем объяснить утерю полугласного, например, в бежтинском, гунзибском и некоторых других языках (ср.: *гемо*, *зوما*, *окро*, *тлילו*, *кѝана*, *эртоба*), можно и тем, что для этих языков более характерен открытый двухсложный тип слога.

В некоторых цахурских грузинизмах, например, *самарев* 'котлован' (< *самаре* 'могила'), наращивается элемент *в*. Известно, что в древнегрузинском языке наблюдалось выпадение согласных, в том числе и *-в* в абсолютном конце слова, ср.: *кулав* > *кула* [Дзидишвили 1960: 150]. Возможно, слово *самарев* 'котлован' является праформой, в которой сохранился ауслаутный *-в*; наряду с *-й̣* к древнегрузинским лексемам присоединялся и *-в* [Чикобава 1967: 29].

Сохранение в отдельных дагестанских грузинизмах ауслаутного *гь*- (ср. бежт. *гѝангариши* 'счет, расчет'; гунз. *гѝорму* 'яма'), отсутствующего в их современных этимонах (груз. *ангариши*, *ормо*), видимо, объясняется тем, что в памятниках XVI–XVIII вв. наблюдалось новое явление – искусственное употребление *гь* перед гласными *е*, *а*, *о* [Кавтарадзе 1964: 384]. На основании этого можно предположить, что эти лексемы проникли в восточноцезские языки в XVI–XVIII вв.

к более древнему периоду, т.е. к древнегрузинской или среднегрузинской эпохам. Это можно утверждать исходя из того, что наиболее ранние заимствования из грузинского языка в удинском и цезских претерпели сильные фонетические изменения так же как, например, в нахских языках [Алироев 1978: 266]. Э. Хауген отмечает, что "на основании фонологической формы слов можно восстановить историческую перспективу процесса заимствования. Предполагается, что ранние заимствования – это наиболее сильно искаженные слова, тогда как поздние должны стоять гораздо ближе к своим иностранным образцам... Этот принцип представляется в целом разумным, однако он нуждается в ряде оговорок. Во-первых, необходимые признаки отсутствуют в тех словах, которые не содержат "трудных" звуков. Во-вторых, различия между наиболее и наименее искаженными звуками связаны не столько с хронологией, сколько со степенью двуязычия. Поскольку мы лишены возможности проследить судьбу отдельных слов и выражений, начиная с момента их появления, в заимствующем языке, мы вынуждены довольствоваться догадками о факторах, повлиявших на форму каждого из них" [Хауген 1972: 356].

Сильные фонетические изменения в грузинизмах произошли в речи варташенских и ниджских удинов: *каламани* 'лапти' > *калам*, *κλαμιτλι* 'черепица' > *κλιраμυτл* // *κλιраμυмитл*, *шлами* 'песок' > *ша* (варт.); *шашви* 'дрозд' > *ча́чи*, *члалакли* 'роща' > *члаблалъг*/*ччалаг*, *дзабри* 'лейка' > *цлабллири* (нидж.), *намгали* 'серп' > *маьнкаьл* (варт.) 'инструмент для срубki кустарника в виде серпа', *шеша* 'дрова' > *уш* (варт.) [Гукасян 1974]. В речи октомберских удинов, где грузинизмы наиболее многочисленны, они во многом приобрели облик слов новогрузинского языка, и это, видимо, объясняется тем, что они находятся на территории Грузии более 70 лет и, возможно, произошло повторное (вторичное) заимствование указанных слов, теперь из новогрузинского языка.

В цезских языках также можно выделить грузинизмы, относящиеся к более раннему периоду, например: цез. *цихולי* 'дикий, лесной (груша, яблоко)' (ср. груз. *мххали* 'груша'); бежт., хаш., гунз. *хъймайо*/*хъимаро*/*хъимар* 'пасмурный' (ср. груз. *цхъмай* < древнегруз.) 'дождь'; цез. *цехтлен* 'чердак' (ср. груз. *схвени*), цез. *κлеметл* 'сундук' (ср. груз. *κлидобани*), гунз. *гъэру* 'пила' (груз. *херхи*); бежт. *шуьнаь* 'могила', гунз. *шима* 'могила' (груз. *самаре*). Сравните в других дагестанских языках: чам. *шахв* 'лук' < груз. *хахви*, тляд. *шалтлами* 'свисток' < *састлвена*.

Другим основанием для установления хронологии грузинских заимствований – особенно, если речь идет о ярко выраженных культурных словах, – могут оказаться данные исторических наук, т.е. установить примерную хронологию можно, связывая лингвистические факты с экстралингвистическими (проникновение христианства, период расцвета Грузии, период жизни дагестанской диаспоры в Грузии и т.д.).

Некоторые термины сельского хозяйства (обработка почвы, виноградарство, сельскохозяйственные культуры, орудия труда и т.д.) и животноводства, на наш взгляд, являются наиболее древними заимствованиями, так как картвелы еще издревле занимались земледелием и животноводством, и, соответственно, дагестанцы, контактировавшие с грузинами (особенно с кахетинцами), могли заимствовать термины земледелия и животноводства. К таким лексемам можно отнести: *вази* 'виноградная лоза', *венахъи* 'виноградник', *гатохъна* 'прополка', *пурчна* 'очистка лозы от растений', *белтли* 'кусочек земли', *бурдо* 'скирда', *симинди* 'кукуруза', *гутани* 'плуг', *тохъи* 'мотыга', *атлами* 'персик', *легъи* 'инжир', *κлитлри* 'огурец', *баькли* 'гурт овец', *саконели* 'скот', *гочли* 'поросенок', *иху* 'утка', *члчлул* 'цыпленок', *млетлали* 'курочка', *мамали* 'петух'.

Некоторые древнегрузинские слова, связанные с сельским хозяйством и животноводством, в дагестанских языках сохранили формы древнегрузинского языка-источника, например: *дедали* а) 'самка' б) 'курица', *мамали* 'петух', *млахи* 'кабан'; *сабали* 'веревка', *члади* 'кукурузная лепешка'.

Отдельные грузинизмы удастся датировать приблизительно определенным веком.

Так, М.Р. Гасанов отмечает, что "надо полагать, к периоду экономического и политического усиления Грузии и ее влияния на некоторые районы Дагестана относится и влияние грузинского плуга, как пахотного орудия некоторых народностей Дагестана, как это имело место в других областях Северного Кавказа" [Гасанов 1968: 118]. И.А. Джавахишвили по этому поводу пишет, что «на Северном Кавказе плуг появляется в XII веке и нет никакого сомнения в том, что чеченцы, ингуши и другие кавказские народы пользовались таким плугом, как грузинский плуг "гутани"» [Джавahiшвили 1930: 232]. Термин "гутани" вошел в грузинскую литературу не ранее X века [Генко 1930].

Как известно, название плуга имеет общекавказский характер. Так, в кавказской языковой области оно представлено: груз., мегр. *гутани*, сван. *гутан*, абх. *а-кватана*//*а-кватан*, абаз. *кватан*//*а-кватан*, каб. *куэтэниэрхъ*, бацб. *гутан*, инг., чеч. *гуота*, авар., лак., дарг., таб., арч., будух. *кутан*, лезг. *куьтен*, удин. *коьтаьн*, цез., гунз. *гутан*, бежт. *готани*//*гутани*. Оно прослеживается и в других языках кавказского ареала: осет. *гутон*//*готон*, балк. *гатон*//*готон*, азерб. *котан*, кумык. *гутан*. И, наконец, встречается в курдском (*котан*), сирийском (*кутан*), турецком (*кутан*).

Вопреки мнению вышеназванных исследователей, Г.А. Климов и А.К. Шагиров отмечают, что "...интересующим нас словом обозначается достаточно сложная железная конструкция – так называемый тяжелый плуг, в который обычно впрягаются несколько пар волов и который, следовательно, приспособлен к условиям пахоты на равнине или в речной долине, а не в горах. Естественно полагать, что уже одно это обстоятельство подсказывает, что такой артефакт (как, по-видимому, и его обозначение) должен был возникнуть, во-первых, не ранее начала железного века и, во-вторых, отнюдь не в горных отрогах Большого или Малого Кавказа. В последней связи необходимо упомянуть, что данные этнографии прямо свидетельствуют об относительно позднем проникновении плуга-кутана в горные районы Кавказа" [Климов, Шагиров 1990: 4–5].

В нахские языки, особенно в бацбийский, оно усвоено из грузинского в XVI веке [Дешериев 1953 : 6], а в цезские проникло не ранее XVII столетия, когда начали укрепляться экономические связи с Кахетией [Климов, Шагиров 1990 : 5]. Большинство же дагестанских форм слова *кутан*, вероятно, обязаны азербайджанскому посреднику. Однако это не означает, что в Дагестане отсутствовало земледельческое орудие типа плуга или с появлением "гутани" исконно дагестанское слово было вытеснено. До появления плуга "гутани" и после него бытовало и применялось до сих пор, например, у цезов исконное орудие, называемое *боъосл/бирус* (ср. авар. *пуруц*) 'соха'.

Грузия в XI – начале XIII вв. достигает наибольшего могущества. В этот период экономические и другие связи Грузии с Дагестаном становятся наиболее тесными. В период наивысшего экономического и политического подъема Грузинского царства Дидоэти входила в состав Грузии, а некоторые западные районы Дагестана находились в вассальной зависимости от нее [Гасанов 1968 : 115–116]. Надо полагать, что в этот период началось проникновение большого числа грузинизмов в дагестанские языки. Однако нельзя сказать, что все они проникли одновременно.

С усилением торгово-экономических связей Дагестана и Грузии в XI–XIII вв. можно связать проникновение в некоторые дагестанские языки терминов, связанных с торгово-экономическими отношениями. Такими словами из этой области, усвоенными в данный период, можно считать следующие: *окро* 'деньги, серебро', *муьштIаьри* 'покупатель' (< иран.), *абрашуни* 'шелк', *совдагар* 'купец' (< иран.), *цIула* 'жребий', *шаури* 'маленькая серебряная монета, пятак', *сазогол* 'запас' (< *сагдзали*).

Термины христианской религии вошли в некоторые цезские языки в период проникновения христианства в Западный Дагестан (XI–XIII вв.). Учитывая значительную роль Грузии в распространении христианства в Дагестане X–XIII вв., можно

допустить, что проникновение элементов христианской религии в Западный Дагестан имело место задолго до V века [Шихсаидов 1957 : 62]. Д.М. Атаев пишет, что "начало проникновения христианства в Аварию относится к X–XIII вв., о чем свидетельствуют данные Урадинского могильника, и оно сохранило свои позиции и в первой трети XIV столетия" [Атаев 1958 : 178].

С распространением христианства начали проникать и грузинские личные имена. В наиболее ранних заимствованиях – личных именах произошли сильные фонетические изменения, например: *Илитлай*//*Гылитла*, *Гьерекли*, *Тидур* и др. Основное число собственных имен мужчин и женщин усвоено в советский период, поэтому они подверглись меньшим фонетическим изменениям.

С периодом "лекианоба" (XVI–XVIII вв.) можно связать проникновение из грузинского языка лексемы авар., лак., лезг., цах. *давла* 'добыча, трофей' < *давла*//*надавли* (груз. < араб.) 'добыча (военная)'.

Весьма древние культурно-исторические связи раскрывают такие тематические группы, как термины, связанные с домашним бытом и хозяйственным укладом (например, *к̑авари* 'дранка', *калмали* 'лапти', *бацлар* 'веревка', *рачло* 'цепь', *тони* 'печь', *цлараки* 'кирка', *састлули* 'подушка' и др.), названия некоторых природных явлений (*гьайри* 'воздух', *жангги* 'изморось'), названия некоторых металлов (*нолады* 'сталь', *окро* 'серебро'), обозначения отдельных социальных терминов (*гелехи* 'нищий', *к̑ема* 'раб, слуга'; *г̑ала* 'оброк').

Как было постулировано выше, давность отдельных грузинизмов можно, вероятно, установить по степени их распространенности. Так, налицо определенное число заимствований, проходящее по ряду цезских, аваро-андо-цезских, дагестанских языков. Некоторые их аналоги отмечаются в западнокавказских и восточнокавказских языках.

Ряд лексических элементов проходит по цезским языкам. К ним относятся:

бежт., гунз., цез. *бурти*, хварш. *бурки* 'мяч' < груз. *бурти*;

бежт., гунз. *Вели*, гин. *Вили*//*Вули*, асах. *Вила*, кид. *Вулаь* 'Грузия, Кахетия' < *вели* 'поле, степь';

бежт., гунз., гин., цез., хварш. *зети* 'подсолнечное масло' < *зети* (ср. удин. *цлем*);

гин., цез. *индоври*, гунз. *индаври*, бежт. *эндаври* 'индюк' < *индаури* (ср. чад. *индорийаб*);

бежт., цез. *к̑авари*, гунз. *к̑абари*, гин. *к̑абар* 'дранка' < *к̑авари*;

бежт., гунз. *к̑ирк̑л̑итли*, гин. *к̑орк̑лотли*, цез. *к̑орк̑лотл* 'грецкий орех с твердой скорлупой' < *к̑ирк̑л̑итли*;

бежт., гунз., гин. *мезези* 'капризы' (ср. бежт. *мезлаги*, цез. *мезламо* 'капризник') < *мизези* 'причина';

тляд. *хорг̑о*, хаш. *хорхо*, бежт. *хойг̑о*, гин., цез. *хирих*, хварш. *херех*, гунз. *г̑еру* 'пила, напильник' < *херхи*;

бежт. *ч̑архали*, гунз. *ч̑архал*, гин., цез. *ч̑архала* 'свекла' < *ч̑архали*;

бежт., гунз., гин., цез., хварт. *ч̑отли* 'фасоль' < *ч̑отли* 'стручок'.

Число грузинизмов, наличествующих в аваро-андо-цезских языках, сравнительно невелико, к тому же они представлены, в основном, в контактировавших языках и диалектах. Ср.:

бежт., гунз., гин., цез. *вази*, анц. *вази*, кус. *вазиб*, чад. *важийаб* 'виноградная лоза' < груз. *вази*;

бежт., гунз. *гелехи* 'нищий', анц. *гелехаб*//*гилихаб*, кус. *гилихаб* 'грязный' < *г̑лехи* 'крестьянин';

бежт. *сок̑ло*//*зок̑ло*, гунз. *зок̑ло*//*шик̑лу*, цез. *зек̑лу*, хварш. *жок̑ло*, багв. *зок̑ла*, чам. *сек̑лу*, тинд. *с̑ик̑лу* < *зок̑ло*//*сок̑ло*;

бежт., гин., гунз., анц. *тох̑и*, цез. *тол̑х̑и*, бухн. *тухи*, зак., кус., таш. *тухна* 'мотыга' < *тохи* (др.-груз. *тох̑и*) 'мотыга'.

Среди дагестанских слов, зафиксированных в качестве грузинизмов в языках, принадлежащих разным подгруппам, можно отметить следующие:

бежт. *аңцџили*, гунз. *аңцџели*, гин., цез. *гланцџил*, анц. *гланцџили*, зак. *а'ңцџили*, цах. *а'ңцџилий* 'бузина вонючая, зеленик' < груз. *аңцџили*.

бежт., гунз., лак. *забри*, гин., цез., зак., кус. *забру*, тив. *забр*, варт. *дзабури*, нидж. *цлаьпџири* 'лейка, воронка' < *дзабри* (ср. чеч. *дзѣѣбар*, чеб. *дзабур*, итум. *дзузам*);

бежт. *клараматли*, гунз. *клараметли*, цез. *клараметли/клерметл*, гин. *клараматли*, анц., кус. *клерметл*, тив. *клареметл*, окт. *клариметл*, варт. *кларѣмиметл*, нидж. *кларамутл*, цах., рут. *клараметл* 'черепица' < *клареметли* (< греч.);

бежт., гунз., цез. *класри* 'выдолбленная бочка', кус. *кџисрийаб*, цах. *класрий//класрѣ/класры* 'мера сыпучих веществ' < *класри* 'бочка';

бежт., гунз. *кџунули*, цез. *кџонели*, кус. *кџулениб*, цах.д. *кџунелай*, джын.д. *кџунилий* 'боярышник' < *кџунели*;

бежт., гунз., гин., цез. *тџикли*, цез. *кџитли*, анц., удин. *тџикл*, цах.д. *тџикли*, гелѣм. *тџиклий*, 'бурдюк' < *тџикли*;

бежт. *цџипер//чџипер*, гунз. *цџыбѣли*, анц. *цџабули*, тив. *цџанлур*, цах. *цџабел//цџабил*, цах.д. *цџабыл*, гелѣм. *цџабыл*, кус. *цџлнлули/цџлнлулиб*, удин. *цџабул* 'каштан', чам. *цџабел-гъал* 'чинара' < *цџабли* 'каштан'.

Справедливо отмечают Д.И. Эдельман и Г.А. Климов, что "изучение многовекового соприкосновения иранских и семитских языков, восходящего своими истоками еще к древним контактам их носителей в переднеазиатском ареале уже принесло, как известно, результаты, интересные не только в собственно лингвистическом аспекте, но и в культурно-историческом" [Эдельман, Климов 1987 : 162].

В дагестанских языках многочисленны заимствования из восточных языков: арабского, иранских и тюркских. Некоторые из них заимствованы непосредственно из языка-источника, а другие через посредство родственных, сопредельных языков. Языками-посредниками для Западного Дагестана явились аварский и грузинский в силу их престижной роли в данном ареале. Опосредованные ориентализмы проникли в разные времена.

Цезские и некоторые другие народности в историческом прошлом не имели прямых контактов с восточными народами, особенно арабами и иранцами, поэтому многие восточные заимствования проникали в основном через посредство родственного аварского языка. Однако выделяются случаи, когда достоверно можно констатировать, что определенная часть слов проникла и через посредство грузинского языка. Подтверждением этому служит тот факт, что в аварском языке многие восточные заимствования представлены в фонетически более измененном облике, чем в грузинском, например: бежт., цез., гунз., гин. *пџилнлџил* < груз. *пџилнлџили* (< иран.) 'черный перец' (ср. авар. *пилпил*), бежт., гунз. *биринжи* < груз. *бринджи* (< иран.) 'рис' (ср. авар. *пиринчл*), бежт., гунз. *бали* < груз. *бали* (< тюрк.) 'черешня' (ср. авар., цез., анд., гин. *багџли*). Или же ряд лексических элементов, отмеченных в грузинском, отсутствует в словарном фонде аварского языка (за исключением анцухского диалекта, контактировавшего с кахетинским диалектом грузинского языка); бежт. *муштџари* 'клиент' (< груз. < иран.), цез. *чардах//чардахли* (< груз. < иран.) 'навес' (ср. авар. *тџокъо*), *багъи* (груз. < тюрк.) 'сад' (ср. авар. *ах*) и др.

Ориентализмы, проникшие из грузинского языка, относятся к разным периодам. Слова иранского происхождения являются более древними по сравнению с арабскими. Иранизмы засвидетельствованы в памятниках древнегрузинской литературы V–XV веков и принадлежат как к древне-, так и (особенно) к средне- и новоиранской языковой эпохе [Андроникашвили 1966 : 521]. Иранские элементы в ряде случаев имеют фонетические соответствия в родственных картвельских и кавказских языках. Опосредованными иранизмами в дагестанских языках являются: древнеперс. груз. *ормо* > гунз. *гъорму* 'яма'; *гурдемџи* 'наковальня', 'кузнечный мост' (груз. *гредмџи*

‘наковальня’) > лезг. *гирдили* ‘колода’, таб. *гердем* ‘камень-валун’, цах. *гирдым* ‘глыба’, бежт. *гердена* ‘камень-валун’; среднеперс. *кушк* > *клошкли* ‘вышка, башня’ > бежт. *кѳошкли* // *клошкли* ‘домик’; среднеперс. *харбар* > груз. *хорбали* ‘пшеница’ > бежт. *харбули* ‘толокно мелкого помола’; среднеперс. *товак*⁴ > груз. *тлабакли* > цезск. *тлабакло*, анц. *тлабакли* ‘поднос’; среднеперс. *гъѣшм(ак)* ‘злой’ > груз. *ѣшмакли* ‘демон, черт’ > бежт., груз. *ѣшмакли* ‘черт’; среднеперс. *перѣгъанак* > груз. *плеранги* > бежт. *плеранкли* ‘комбинация (ж.)’; среднеперс. *бѣдинджан* // *бѣдилджан* > груз. *бадриджани* ‘баклажаны’; новоперс. *пѣлѣд* > груз. *полады* ‘сталь’; среднеперс. *абрѣшом* > груз. *абрешуни* ‘шелк’; среднеперс. *чогур* > груз. *чонгури* ‘чонгури (музыкальный инструмент)’; среднеперс. *лѣбийѣ* > груз. *лобио* ‘фасоль’; *чакѣч* (среднеперс.) > *чакучи* ‘молоток’; *парда* (груз. < иран.) ‘занавеска, штора’; *дафтар* (среднеперс. < греч.) > *дантари* ‘тетрадь, книжка’; *кѣгъ* (среднеперс.) > груз. *кохи* ‘хижина’, *ранде* (перс.) > груз. *ранда* ‘рубанок’; среднеперс. *камар* > груз. *камари* ‘пояс, кушак’; перс. *чангал* > *чангали* ‘вилы’; иран., араб. *нигози* > *нигози* ‘ядро грецкого ореха’⁵.

Формы гунзибского и тлядальского диалекта бежтинского *клаба* ‘платье’ и гинухского *клобой* ‘рубашка, платье’ языков заимствованы из грузинского языка, в котором, в свою очередь, имеется лексема *клаба* ‘кафтан, платье’, усвоенное из среднеперсидского языка *карах* ‘плащ’. Это древнее заимствование следует отличать от более позднего усвоения в дагестанские языки той же самой лексемы, которое, однако, произошло при посредстве арабского языка: араб. *габѣ* ‘верхнее платье’, рут. *хѣбаба-чи* ‘бурка’, авар. *хѣабарча* ‘тулуп, шуба’, анд. *хѣана*, *хѣапача*, лак. *хѣавачи* ‘полушубок’ [Виноградова 1980 : 78].

Как видно из иллюстраций, грузинские заимствования иранского происхождения в дагестанских языках в основном отражают древнегрузинское состояние, т.е. они стоят ближе к архаичным формам.

Лексемы тюркского происхождения также отмечены в памятниках древнегрузинской литературы, начиная с X века. Число опосредованно проникших тюркизмов в контактировавших дагестанских языках сравнительно меньше, чем опосредованных иранизмов. Это, видимо, связано с тем, что дагестанцы имели контакты с кумыками и азербайджанцами (например, с закатальскими и белокавказскими). Можно допустить, что определенное количество тюркизмов усвоено из грузинского языка в ранний период. К опосредованным тюркизмам относятся: *кѣавурма* ‘жаркое’, *архийанат* ‘надолго’ < *архейнад* ‘спокойно’ (груз. < тюрк.), *отахи* ‘комната’ < *отахи* (груз. < тюрк.), *багѣи* ‘сад’ < *багѣи* (груз. < тюрк.), *кѣаракли* ‘сливочное масло’ < *кларакли* (груз. < тюрк.), *бей* ‘задаток’ < *бей* (груз. < тюрк.), *бали* ‘черешня’ < *бали* (груз. < тюрк.), *албани* ‘вишня’ < *алубали* (груз. < тюрк.), *шаби* ‘квасцы’ < *шаби* (груз. < тюрк.).

Налицо определенное число арменизмов, заимствованных из грузинского языка в дагестанских языках, в частности, в цезских. Хронологически они, как нам представляется, являются более ранними, так как грузинско-армянские языковые контакты исторически были более древними по сравнению с восточными языками. Опосредованными арменизмами в цезских языках являются: *клупклумли* ‘сорт грецкого ореха с твердой скорлупой’ (ср. цах. *кѣиркѣит* ‘скупой’), *клочли* ‘катушка’, *вард* (удин., цах., рут.) ‘роза’ < *варди* (груз. < арм., среднеперс.), *клобала* ‘палка’ (груз. < арм. *кѣпал*), *тудж* ‘чугун’ (груз. < арм. *тудж*), *тлукли* ‘бурдюк’ (груз. < арм. *ттикк*), *цлinda*

⁴ Анцухская и цезские формы слова *тлабакли* ‘поднос’ заимствованы из грузинского языка, а удинская *тапѣк* ‘корыто’ (ср. табас. *тлабакл* ‘деревянное блюдо, тарелка’), видимо, проникла через армянский (ср. арм. *тапѣк* ‘сковорода’), в который, в свою очередь, вошла из среднеперсидского (*тапѣк* ‘сковорода’). Первичное иранское происхождение данного слова установлено В.И. Абаевым [Абаев 1989].

⁵ Д.И. Эдельман и Г.А. Климов считают достаточно ранним проникновение лексемы *нигози* ‘ядро грецкого ореха’ в картвельскую языковую основу из иранских и семитских языков [Эдельман, Климов 1987 : 165].

‘чулок, носок’ (груз. < арм.) ‘кирпич-сырец’. Следует отметить также, что исторически армянский язык служил промежуточным звеном, который связывал кавказские параллели с иранскими, семитскими и др.

Заимствования из арабского языка в грузинском сравнительно малочисленны и, соответственно, грузинских арабизмов, в частности, в цезских языках немного. Хронологически они относятся к более позднему периоду. Как известно, влияние арабского языка и ислама на Кавказе началось с VII века, а в горах Западного Дагестана ислам как религия закрепился в XIV–XV веках. Арабизмы из грузинского языка проникали примерно с XI века. Опосредованными арабизмами являются: *sanluni* ‘мыло’, *maklrameli* ‘ножницы’ (ср. лезг. *muklraml*, крым.-татар. *miklraml*, хин. *muklraal* < арм. *mkrat*, а в гин., цез. *moklormli* – из груз. языка; генетический источник – арабский язык), *batmli/mamli* ‘гусь’, *mutaka* ‘валик для тахты’.

В связи с установлением тесных взаимоотношений в XVIII веке между Россией и Грузией в грузинский язык проникают русизмы, которые в дальнейшем вошли и в отдельные дагестанские, нахские [Дешериев 1953 : 338; Алироев 1978 : 203] и другие языки. Заимствованные из грузинского языка русизмы имеют ряд фонетических особенностей, которыми они отличаются от русских лексических элементов, усвоенных из языка-источника или посредством других языков, и благодаря этим особенностям их можно выделить в словарном фонде некоторых дагестанских языков как грузинские русизмы:

1) В дагестанских языках выделяется определенное количество русизмов, оформленных формантом *и*, характерным для грузинского номинатива: *халати* ‘халат’, *klartloneli* ‘картофель’, *mluni* ‘тиф’, *мошьоькlu* ‘мешок’, *висклози* ‘вискоза’.

2) В некоторых дагестанских языках под влиянием грузинского появляются смычно-гортанные согласные *nl*, *ml*, *kl*, *chl* вместо взрывных глухих *n*, *m*, *k*, *ch*, имеющих в заимствованных из русского языка лексемах. Эти абруптивы представляют собой следы адаптации русизмов в грузинском языке, они проникли вместе с соответствующими словами в бежтинский, гунзибский, цезский, цахурский, удинский языки, а также анцухский диалект аварского языка: анц. *klumplust*, гунз. *klompllostli*, бежт. *klomoytlo* ‘капуста’; бежт. *аьклоьшклав* ‘окошко’, бежт., гунз. *mlach/klach/klach/klach* ‘тачка’; удин. *плаьлтлов*, бежт. *nlaltlo* ‘пальто’; *mitklali* ‘миткаль’; *mliriko* ‘трусы’ < *mliriko*; *абаиникl* ‘лесничий’ (< русск. *объездчик*).

3) Для многих дагестанских языков нехарактерно стечение согласных в начале слова. В таких заимствованных консонантных комплексах русских слов происходят наращения гласных в анлауте или выпадение первого согласного (афerezис). В грузинских русизмах в восточно-цезских языках наблюдается процесс выпадения консонантов в анлауте, например: *стlолба* (ках.) ‘столб’ > *тlолба*, *стlакани* (ках.) ‘стакан’ > *тlакани* (бежт., гунз., гин.).

Вышерассмотренные грузинизмы, а также заимствования из восточных и других языков, проникшие через грузинское языковое посредство, в основном усвоены контактировавшими дагестанскими языками на первом этапе. Их число невелико по сравнению с заимствованиями, усвоенными на втором этапе языковых контактов. Возможно, многие старые грузинизмы на втором этапе приблизились к произносительным нормам новогрузинского языка, т.е. стали звучать, как в языке-источнике – современном грузинском языке. Это связано с тем, что, во-первых, контакты стали более тесными, и, во-вторых, увеличилось число дагестанцев, знающих грузинский язык.

Несомненно, в дагестанских языках существует немало древних заимствований из грузинского языка. Всесторонние исследования словарного фонда всех дагестанских языков дадут в этом плане богатый материал.

Наиболее многочисленными и разнообразными в тематическом плане являются грузинизмы, усвоенные дагестанскими языками на втором этапе контактирования (XVIII–XX вв.). Это прежде всего слова, связанные с новыми общественно-экономи-

ческими отношениями, жизнью и бытом контактировавших дагестанских народов. Культурно-исторические связи второго этапа раскрывают такие тематические группы, как общественно-политическая терминология (*гамгеоба* 'правление колхоза', *уплеба* 'власть', *цноба* 'справка'), названия дней недели и месяцев (*клира* 'воскресенье', *пларасклеби* 'пятница', *тебервали* 'февраль'); термины, связанные со школой и учебой (*цигни* 'книга', *анбан* 'азбука', *хаз* 'линия'); названия музыкальных инструментов и танцев (*голо* 'барабан', *чунгури* 'чонгури', *шалахо* 'название танца'); антропонимы (*Лали*, *Натела*, *Манана*, *Хатуна*), этнонимы (*оси* 'осетин', *абчлаьрабв* 'аджарец').

В результате изучения хронологии грузинских лексических элементов в дагестанских языках выяснилось, что выявленные слова принадлежат как к древне-, так и к средне- и (особенно) к новогрузинской языковой эпохе. Однако некоторые древнейшие грузинские элементы не следует рассматривать как простые заимствования: они составляют органическую часть контактировавших дагестанских языков, входя в основное ядро их лексики. Многие грузинские лексические элементы в ряде случаев имеют даже фонетические соответствия в родственных и неродственных языках Кавказа. Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что грузинизмы усваивались и другими языками до и после дифференциации общекартвельского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. 1989 – Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. М., 1989.
- Алироев И.Ю. 1978 – Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
- Андроникашвили М.К. 1966 – Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Атаев Д.М. 1958 – Христианские древности в Аварии // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 4. Махачкала, 1958.
- Виноградова О.И. 1980 – Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Гасанов М.Р. 1968 – Из истории дагестанско-грузинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.): Дисс. ... канд. истор. наук. Махачкала, 1968.
- Генко А.Н. 1930 – О названиях плуга в северо-кавказских языках // Доклады АН СССР. М., 1930. № 7.
- Гудая Т.Е. 1979 – Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979.
- Гукасян В.Л. 1973 – Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1973.
- Гукасян В.Л. 1974 – Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Дешириев Ю.Д. 1953 – Бацбийский язык. М., 1953.
- Джавахишвили И.А. 1930 – Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
- Дзидзишвили М.П. 1960 – Фонетические процессы в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Кавтарадзе И.И. 1964 – История грузинского языка. Т. 1. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Климов Г.А., Шагиров А.К. 1990 – Общекавказское название плуга // Лексико-грамматические особенности языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.
- Климов Г.А. 1986 – Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Март Н.Я. 1925 – Грамматика древнелитературного грузинского языка. М., 1925.
- Мартirosов А.Г. 1978 – Имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами в древнегрузинском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 20. Тбилиси, 1978.
- Николаев С.Л. 1978 – Реконструкция фонетической системы працезского языка // Тезисы докл. научной сессии. М., 1978.
- Николаев С.Л., Старостин С.А. 1984 – Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тыс. до н.э. // Тезисы докл. научной сессии. М., 1984.
- Рогая Г.В. 1966 – К истории грузинской основы *ихв*- 'утка' // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 15. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Серебряков С.Б. 1962 – Древнегрузинско-русский словарь (по двум древним редакциям четвероглава). Тбилиси, 1962.
- Талибов Б.Б. 1990 – Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1990.
- Утургаидзе Ф.Г. 1966 – Некоторые особенности горских говоров грузинского языка. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Хауген Э. 1972 – Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.

- Чикобава А.С. 1967 – Грузинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Чинчараули А. Л. 1961 – Особенности хевсурского диалекта грузинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1961.
- Чинчараули А.Л. 1975 – Грузинско-нахские схождения в отраслевой лексике // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 2. Тбилиси, 1975.
- Шанидзе А.Г. 1945 – Две древние редакции грузинского четвероглава по трем шатбердским рукописям (897, 936, 937). Тбилиси, 1945.
- Шихсаидов А.Р. 1957 – О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 3. Махачкала, 1957.
- Эдельман Д.И., Климов Г.А. 1987 – Из истории одной древнепереднеазиатской лексической изоглоссы // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.